

УДК 76.026

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-53-61

ИЗБРАННЫЕ ГРЕШНИКИ РАЯ В «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ**CHOSEN SINNERS OF PARADISE IN THE «DIVINE COMEDY» OF DANTE****В.Н. Назаров**
V.N. NazarovТульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, Тула, пр. Ленина, 125

Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy, 125 Lenina St, Tula, 300026, Russia

E-mail: sophiya@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается соотношение этических и эстетических принципов в структуре дантовского Рая. Автор ставит перед собой задачу выявить критерии иерархического распределения душ по небесным сферам Рая, основываясь на идее «избранной греховности» («эстетике души») как «гармоничного порыва к прекрасному» (Аристотель)

Abstract

The article discusses the correlation of ethical and aesthetic principles in the structure of Dante's Paradise. The author aims to identify the criteria of the hierarchical distribution of souls through the celestial spheres of Paradise, based on the idea of "the chosen sin" ("the aesthetics of the soul") as "harmonious impulse to perfect" (Aristotle)

Ключевые слова: рай, избранные грешники, добродетели, пороки, Красота.**Keywords:** paradise, the chosen sinners, virtues, vices, Beauty.

«...много званых, а мало избранных» (Мф. 20:16)

«Избранные это те, которые постоянно имеют чувство своего личного недостойнства перед Богом; которые постоянно исполнены смирения перед Богом и делом Божиим; которые все приписывают Богу, а себе ничего, кроме *грешности*»
Преподобный Иустин (Попович). Толкование на Евангелие от Матфея

Парадоксальный образ «избранных грешников» дантовского Рая¹ возник под впечатлением удивительной картины открывающейся при встрече Данте с «блаженными душами», пребывающими на небесах Рая, особенно на небе Луны, Меркурия, Венеры. Кажется, что Данте никак не может выбраться из Чистилища, или даже из Ада. Он общается с душами, нарушившими монашеский обет (клятвенное обещание, данное Богу), совершившими деяния из чувства честолюбия и славы, охваченными чувственной любовью и сладострастием и т.п. Никколо Макиавелли был не прав, намекая на дантовский Ад, утверждал, что там собраны только «нищие, монахи и апостолы»². В дантовском Раю Макиавелли не пришлось бы скучать. Ибо в нем нашлось место и для блудниц (Раава, Куница да Романо), и для сладострастников (Фолько Марсельский), и для тщеславных и

¹ В связи со смысловой многозначностью термина «рай» мы будем придерживаться трех вариантов его написания: 1) как составной части «Божественной Комедии» («Рай»); 2) как уникального творения духа Данте (Рай); и 3) как культурной универсалии, обозначающей место вечного блаженства праведников в загробном мире (рай).

² См. его известный афоризм: «После смерти я хочу попасть в ад, а не в рай. Там я смогу наслаждаться обществом пап, королей и герцогов, тогда как рай населен одними нищими, монахами и апостолами».

жестоких властителей (Юстиниан), и для мстителей и беспощадных воителей за веру (Карл Великий, Руберт Гвискар, Герцог Готофред), и для еретиков, отлученных от Церкви (Сигер Брабантский) и даже для язычников (троянский воин Рифей, римский император Траян).

И, тем не менее, все эти праведные души, вкушающие райское блаженство, не запятнались грязью порока, как и солнце не оскверняется, освещая нечистоты.

Все это влечет за собой вопрос: *Может быть, человеку отпущено грешить в определенных границах и все же оставаться незапятнанным перед Богом, не утратив его любви и благоволения?*

Где пролегают границы *свободы выбора зла*? Насколько человек может углубиться в пределы зла, проявить себя «свободным во зле», не утратив доверия и милости Божьей? Какова мера допустимости греха, не препятствующая входу в Рай, а, возможно, и способствующая попаданию в него?

Ответ на эти вопросы предполагает обращение к феномену «избранной», «праведной» греховности.

Рай Данте пронизан некоей «прекрасной греховностью», сияющей светом непостижимой любви и милости Божьей к своим избранным грешникам. Среди них выделяется царь Давид, особо возлюбленный Богом (чье имя собственно и означает «возлюбленный»). Господь обещает ему немислимую в нашем представлении «свободу греха»: «если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих, но милости Моей не отниму от него...» (2 Цар. 7, 14-15). Грех, хотя и наказуемый, но не лишаящий милости Божией, подобно вразумлению любимого ребенка, которого наказывая, любят еще сильнее... Что это, как не «праведный» грех?

Парадигму такого «праведного» греха задает сам Адам. Он признается Данте в своей «святой несвятости»:

«На той горе, что выше всех всплывает,
Я пробыл и святым, и несвятым» («Рай», XXVI, 139-140)³.
(con vita pura e disonesta)
(дословно: «я прожил честную (чистую) и нечестную жизнь»)

И, тем не менее, не утратил особого благоволения Господа, как его первенец, и был вознесен (вместе с Евой) в высшие небесные сферы Рая.

В круг таких «избранных грешников» входят также иерихонская блудница Раав (третье небо Венеры) и поклоняющийся языческим богам царь Соломон (четвертое небо Солнца). Они задают масштаб «прекрасной греховности» для других обитателей Рая, многие из которых осознают свою греховность, ощущают себя грешниками, согласно известной мысли Блезе Паскаля: «Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками» (Мысли, 534). И, тем не менее, считают, что их грех «наказуем, но милостив», поскольку растворен без остатка в некоем «прекрасном порыве души» во славу Божию.

На третьем небе Рая Данте встречает Куницу да Романо, которая прославилась своим распутством и заслуживала место во втором круге Ада, в компании с Семирамидой и Клеопатрой или, в лучшем случае, в седьмом круге Чистилища, где пребывают раскаявшиеся сладострастники. По словам современников, она была «поистине дочь Венеры», считавшая, что «на любезную просьбу о любви было бы грубостью отвечать отказом». Как и Ахилла из второго круга Ада, Данте величает Куницу «побежденной Венерой» («Рай», IX, 33). Но это греховное сладострастие меркнет в лучах Божественного Света милосердной любви.

Не значит ли это, что порочность и греховность перед лицом Бога и Божественной Благодати есть нечто вторичное, косвенное, не определяющее напрямую заслуг человека, не связанное с его попаданием в Рай.

³ Данте Алигьери. Божественная Комедия. «Рай», песнь двадцать шестая, стихи 139-140 (Здесь и далее, кроме оговоренных мест, перевод М.Л. Лозинского).

Ответ Данте, данный всем содержанием Рая, подтверждает это предположение. Вольно или невольно Данте хочет сказать: чтобы оценить степень заслуг перед Богом, мы должны перестать мерить нашу жизнь только мерками морали, мерками порока и добродетели. Есть более высокое мерило, определяющее принадлежность человека к небесам Рая. Это – Красота (*Bellezza*). Рай – есть символ Прекрасного. Смысл красоты как мерила Рая хорошо раскрывают слова Н.А.Бердяева: ««Мы живем в греховной жизни, по сю сторону добра и зла, и нам необычайно трудно мыслить рай. Мы переносим в наше мышление о рае категории нашей греховной жизни, наше различие добра и зла. Но рай лежит по ту сторону добра и зла, и потому он не есть исключительное царство «добрых» и «добра» в нашем смысле. Мы более прорываемся к раю, когда мыслим его как красоту. Преображение и просветление мира и есть красота, а не добро» [3 с. 244].

Рай Данте и предстает перед нами как воплощение Красоты:

Я Красоту увидел вне предела («Рай», XXX, 19)
(*La bellezza ch'io vidi si trasmoda*)

Высшим олицетворением этой Красоты выступает Пресвятая Дева Мария:

Я видел, - сонмы ангелов сияли,
И слава их различною была.

Пока они так пели и играли,
Им улыбалась Красота, дая
Отраду всем, чьи очи к ней взирали («Рай», XXXI, 131-135).

Так, на место «этики души», определяющей место человека в Аду в зависимости от его «порочных заслуг», приходит «эстетика души», определяющая его положение в Раю по степени большего или меньшего восприятия и отражения Красоты Божественного Света.

Эта «эстетика души» проявляется в красках и оттенках Света (сиянии, свечении, блеске, пылании, искрении); в мелодических и гармонических видах Звучания (звучании, песнопении); в совершенных формах Движения (кружении, вращении, реянии, парении, вальсировании, пляске и танце, хороводе, круговороте); в красоте и изяществе Формы (Орел, Крест, Венец, Роза).

Апофеозом этой «эстетики души» является Свет:

В том Свете дух становится таким,
Что лишь к нему стремится неизменно,
Не отвращаясь к зрелищам иным;

Затем что все, что сердцу вожделенно,
Все благо - в нем, и вне его лучей
Порочно то, что в нем всесовершенно («Рай», XXXIII, 100-105)
(*è defettivo ciò ch'è lì perfetto*).

Таким образом Данте прямо говорит: все, что находится вне сияния, излучения этого Света, сколь бы высокоморальным оно не казалось нам людям здесь на земле, - порочно (*defettivo*). И наоборот всякий порок, всякий грех преображается в лучах сияния Вечного Света (*la luce eterna*).

Конечно же, речь здесь не идет о благе и красоте порока как такового, но о красоте и благе душевной гармонии, *красоте душевного порыва*, в котором порок и добродетель, сплавленные гармоничным образом, не препятствуют данной Богом свободе выбора. Именно о такой гармоничной душевной добродетели как «порыве к прекрасному» пишет Аристотель в «Большой этике»: «Не разум — начало и руководитель добродетели, а,

скорее, движения чувств (*ta pathē*). Сначала должен возникнуть какой-то неосмысленный порыв (*hormen alogon*) к прекрасному — как это и бывает,— а затем уже разум произносит приговор и судит» [1, с. 357].

Так происходит трансформация и очищение порока, его «вплавление» в духовную сущность личности, влекущее за собой его преобразование в единстве с добродетелью в форму прекрасного. Если в Аду порок есть абсолютное погружение в одиночество вины, то в Раю он есть часть душевного порыва, преобразенного в форму Прекрасного через свечение, звучание, движение.

Связь между эстетикой и этикой Рая, между Светом и Красотой, как выражением эстетики, и добродетелью и пороком как выражением этики, раскрывается в «Рае» в следующих словах, которые Данте вкладывает в уста мудреца Соломона:

«...любовь, что в нас живет,
Лучится этой ризою чудесной.

Ее свечение пылу вслед идет,
Пыл - зренью вслед, а зренье - до Предела,
Который Милость сверх заслуг дает» («Рай», XIV, 38-42).

Из этих слов следует, что *яркость Света (Свечение Божьей Любви), излучаемая душами, соразмерна их пылу (их порыву к прекрасному); этот порыв соразмерен зрению, то есть способности созерцать Божество; а степень этой способности зависит не только от заслуг (моральных добродетелей), но и от непостижимой Милости Божьей.*

Здесь - души тех, кто взнесся к небесам,
Не зная, что - похвально, что - греховно («Рай», XXXII, 44-45).

Явление красоты блаженной души, отсвечивающей Чистым Светом (*purga luce*), таит в себе и еще одну особенность. Красота высвечивает недоступные человеческому сознанию тайны бытия, знаменуя свое единство с Истиной. Тайна раскрывается через Прекрасное. Тайна Троицы, тайна искупления, тайна Боговоплощения, тайна преобразования греховной любви в духовную – все это может быть постигнуто только через Красоту и совершенство формы:

Там то, во что мы верим, станет зримо,
Самопонятно без иных мерил;
Так - первоистина неоспорима («Рай», II, 43-45).

Эту мысль Данте излагает в письме к Кангранде дела Скала, характеризуя обитателей Рая как *«свидетелей Истины»*. Описывая общий замысел «Рая», он пишет: «Переходя от неба к небу, автор поведет в ней речь о блаженных душах, встреченных в каждой из сфер, и объяснит, что подлинное блаженство заключается в познании основы истины, как явствует из слов Иоанна, когда он утверждает: "Сие есть истинное блаженство, да знают Тебя, единого истинного Бога..." (Ин. 17, 3) - и из третьей книги "Утешения" Боэция, где сказано: "Лицезреть Тебя есть наша цель" ("Об утешении Философией" III, IX).

Следовательно, для того чтобы показать *свет* блаженства, озаряющий эти души, у них, как у *свидетелей истины*, будет испрошено многое весьма полезное и приятное» [4, с. 394].

Принцип распределения душ по сферам Рая

Идея Данте заключалась в том, чтобы не просто поместить блаженные души в обитель Рая – Эмпирей, но и распределить их по небесным сферам (с учетом астрологических свойств небесных тел) в соответствии с достигнутым ими в земной жизни уровнем «морального совершенства», определяющем предрасположенность души к

полноте созерцания Троицы. В связи с этим перед Данте встала задача выразить этическую структуру небес Рая.

Большинство комментаторов «Божественной Комедии» придерживается той точки зрения, что выявить этическую структуру Рая, определив господствующий в ней моральный порядок, значительно сложнее, чем структуру «Ада» или «Чистилища. С одной стороны, Данте не уделяет этой теме специального внимания и не указывает главенствующий принцип распределения душ по сферам Рая, как это было в одиннадцатой песни «Ада» [4, с. XI, 16-90] и в семнадцатой песни «Чистилища»⁴.

С другой стороны, в соответствии с общим строением Рая (*la forma general di paradiso*) между находящимися в нем душами *дважды* устанавливается иерархический порядок, причем двумя разными способами, слабо связанными между собой: первый раз – в восьми небесных сферах Рая, второй – в Эмпирее, представляющей перед Данте в образе Белой Розы (*Rosa candida*) и в форме амфитеатра блаженных душ.

Проблема заключается в том, что в отличие от кругов Ада и кругов Чистилища, планетарно-звездные сферы, по которым Данте поднимается к созерцанию Троицы, не служат постоянным местопребыванием представших перед ним душ. Души появляются в них лишь для того, чтобы сделать очевидным для Данте («явить на примере») тот ранг, который подобает им в небесной иерархии; но их подлинная обитель, их истинное предназначение, лежат по ту сторону всякого места: в Белой Розе Эмпирея:

Все красят первый круг и там живут
В неравной неге, ибо в разной мере
Предвечных уст они дыханье пьют.

И здесь они предстали не как в сфере,
Для них назначенной, а чтоб явить
Разностепенность высшей на примере («Рай», IV, 34-39)

Но хотя эти сферы и не являются постоянным местообитанием райских душ, они тесно связаны с их духовной историей, с достигнутым этими душами моральным уровнем земного развития (с «моральными заслугами»). Это позволяет в определенной мере судить о «разностепенности» их праведности и избранной греховности, определяющей полноту блаженства при созерцании Бога.

Моральная иерархия Белой Розы также не вполне обозначена и прописана Данте. Комментаторами «Комедии» предпринимались разного рода попытки выстроить такую иерархию и согласовать последовательность *ступеней амфитеатра Белой Розы и небесных сфер*; но это не привело к позитивному результату. Данте созерцает «сверх тысячи» ступеней амфитеатра Белой Розы:

Так, окружая свет, над рядом ряд, -
А их сверх тысячи, - в нем отразилось
Все, к высотам обретшее возврат («Рай», XXX, 112-114).

Но называет лишь некоторые блаженные души из семи верхних ступеней.

Как поясняет Э. Ауэрбах, семь рядов амфитеатра Эмпирея, на которых восседают Дева Мария и Иоанн Креститель (первый верхний ряд); Адам и Ева (второй ряд); Рахиль и Беатриче, Франциск и Бенедикт (третий ряд); Сара и Августин (четвертый ряд) и др., – по необходимости соответствуют только самым верхним ступеням иерархии, а потому не

⁴Главный этический принцип распределения раскаявшихся грешников по кругам Чистилища – диада нарушения меры в любви: недостаточная любовь к истинным благам – чрезмерная любовь к ложным благам («Чистилище», XVII, 91-139).

могут быть приведены в согласие с порядком небесных сфер, символизирующих этическую структуру Рая в целом [2, с. 125-126].

В этой связи было бы интересно, исходя из общекультурных интенций Данте, именно воссоздать весь сонм райских душ (в виртуальной проекции), занимающих «сверх тысячи ступеней» амфитеатра Рая. По бытующим в эпоху Данте представлениям их должно быть не менее 144 тысяч⁵, следовательно, порядка 100 человек на каждой из ступеней амфитеатра Белой Розы. При этом, по мысли Данте, Рай и без того переполнен и уже не ждет притока новых праведников:

Взгляни, как мощно град наш вокруг идёт!
Взгляни, как переполнены ступени,
И сколь немногих он отныне ждёт! («Рай», XXX, 130-132).

Данте не дает никаких подсказок о возможной корреляции душ, являющихся ему на небесных сферах и предстающих в Эмпирее. Только одна единственная душа св.Бенедикта, упоминается Данте и среди созерцателей седьмого неба Сатурна и в иерархии Белой Розы.

Попытки, предпринимавшиеся с целью преодоления или устранения этой проблемы, не привели к общезначимым результатам. Поэтому этическая структура Рая в целом поддается усмотрению только из явления блаженных душ в небесных сферах, где они предстают для того, чтобы Данте уяснил себе их ранг. Им всем дано общее блаженство, заключающееся в созерцании Бога. «Твердью», то есть причастностью к Эмпирее, они «все равновысоки» («Рай», IV, 31). Но среди них, как и среди чинов ангельской иерархии, индивидуализирована степень приближенности к Божественному началу, определяющая полноту видения Бога.

В соответствии с этим блаженные души являются перед взором Данте, как бы приравливаясь к уровню его чувственного восприятия. Не смотря на свое «пречеловечье» (*trasumanar*)⁶, Данте не в состоянии *перейти от этического к эстетическому видению райских душ*, то есть воспринять Эмпирей во всей его красоте и совершенстве до момента своего посвящения (на восьмом небе) в триаду богословских добродетелей (веру, надежду, любовь).

Касаясь этого «ранжирования» блаженных душ, Беатриче говорит Данте:

«Они не по себе несовершенны,
А это твой же собственный порок,
Затем что слабосилен взор твой бренный» («Рай», XXX, 79-81).

Удивительно, что Данте воспринимает обитателей Рая сквозь призму и в меру своей порочности!

Градации созерцания Бога зависят от благодати, которую нужно заслужить. Однако моральные или духовные заслуги – недостаточное, хотя и необходимое условие стяжания благодати. Последняя даруется Богом согласно Его свободной воле и перевешивает любые заслуги, усматривая их там, где человеку не дано их видеть и знать. Однако чтобы принять благодать, нельзя обойтись без признанных заслуг, ибо благодать должна находиться в согласии (гармонии) с доброй волей души, готовой ее принять. Благодать рождает видение; в видении берет начало Божественная любовь, мера которой выражена в мощи и яркости сияния, блеска, излучаемого душой. Так возникает «лестница» блаженных душ Рая, структуру которой Беатриче объясняет Данте:

Знай, что отрада каждого кольца -
В том, сколько зренье в Истину вникает,
Где разум утоляем до конца.

⁵ Это число избранных упоминается в «Апокалипсисе»: «И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи.» (Откр; Апок. 7:4)

⁶ Слово *trasumanar*, удачно переводимое М.Л.Лозинским как «пречеловечье», – неологизм Данте, призванный выразить выход души за пределы человеческой природы в восприятии Божественного Света и созерцания Троицы.

Мы видим, что блаженство возникает
От зренья, не от любви; она
Лишь спутницей его сопровождает;

А зренью мощь заслугами дана,
Чьи корни - в милости и в доброй воле;
Так лестница помалу пройдена («Рай», XXVIII, 106-114)

Чтобы наглядно выразить духовный ранг той или иной души, Данте обращается к пифагорейско-платоновской мифологеме «космического круговорота душ», получившей свое преломление в знаменитом отрывке из шестой книги диалога Цицерона «О государстве» – «Сновидение Сципиона» и Комментария к нему Макробия.

По мнению исследователей, данная мифологема представляет собой примитивную версию философской астрологии — «психогенез индивидуальных судеб». В астрологической интерпретации платоновского Тимея «посеянные» Демиургом на звездах Млечного Пути души проходят одну небесную сферу за другой и во время этого космического круговорота, прежде чем соединиться с каким-либо телом, обретают свои неповторимые качества. Памятью они обзаводятся в сфере Сатурна; мнение и рассуждение о справедливом получают в сфере Юпитера; гневливость — в сфере Марса; способность мышления — в сфере Солнца; оценку полезного и вредного — в сфере Меркурия; желание — в сфере Венеры; и, наконец, разнообразные движения, связанные с природой тела (притяжение, рождение, рост), — в сфере Луны [6, с. 236].

Данте учитывает эти астрологические особенности индивидуальной души, соотнося их с моральными заслугами и *возможностями созерцания Бога*. В этой связи можно предположить, что этическим принципом Рая, определяющим распределение праведных душ по небесным сферам, является принцип *гармонии любви*, как основы полноты созерцания Бога. Очевидно, что принцип «полноты созерцания» трансформирует этический момент в эстетический, то есть преобразует моральные заслуги в способность созерцания Божественного Света.

Исходя из этого принципа, нижайшая и беднейшая светом сфера Луны – прохладная и изменчивая, подверженная чужому влиянию (отсвечивающая чужим светом), – представляет собой своего рода *«преддверие Рая»* (по аналогии с преддверием Ада, где страдают «ничтожные души», и преддверием Чистилища, где искупают свои грехи души «нерадивых грешников»). «Лунные души» обретают свой ранг не в силу особого рода любви, но *по недостатку любви*, проявляющемуся в слабости и зависимости воли: уступив внешнему влиянию (насилию), они оказались не в состоянии исполнить в земной жизни *монашеский обет целомудрия*.

Вторую сферу Меркурия, тоже может считать еще только *«преддверием Рая»*. Это светило побуждает душу к активной деятельности, мотивированной стремлением к славе и громким свершениям. В сфере Меркурия перед Данте предстают души (например, душа императора Юстиниана), деятельные в своей земной жизни, но искавшие земной славы и почестей. Их славолюбие и честолюбие приводят к дисгармонии любви, препятствующей полноте созерцания Бога.

Следующие четыре сферы выражают уровни полноты любви, соответствующие *четырем кардинальным добродетелям*:

- Венера, звезда любящих душ, символизирует умеренность;
- Солнце, звезда мудрых душ, – благоразумие;
- Марс, звезда воинов и мучеников, – мужество;
- Юпитер, звезда правителей, – справедливость.

Характерно, что каждая из этих добродетелей, определяющих ранг праведных душ, выражает собой как субъективную степень несовершенства, связанную с «порочностью брэнного взора» Данте, так и объективную неполноту, дисгармонию любви, определяющую ту или иную степень созерцания Бога. Тем самым каждая из этих ступеней может

быть оценена как в прямой, так и в обратной перспективе: то есть как с точки зрения достигнутого через ту или иную добродетель уровня любви, так и недостатка, несовершенства любви, выражающегося в определенном пороке. Так, в отношении Венеры – недостаток умеренности, приводит к избытку любовного чувства, сладострастию (у любвеобильных душ третьего Неба).

В отношении Солнца – недостаток любви в благоразумии ведет к интеллектуальной (холодной) рассудочности (у мудрецов четвертого Неба). Данте испытал это на собственном опыте «интеллектуального помрачения духа», подвергшись суду Беатриче («Чистилище», XXXIII, 85-90). В его жизни был период страстного увлечения «благороднейшей дамой Философией» (*donna gentilissima Filosofia*) (Пир, II, 12). Как замечает Э. Жильсон, «следы этого интеллектуального заблуждения неоднократно обнаруживаются в его сочинениях, и даже там, где сам Данте их не видел» [7, с. 122].

В отношении Марса – недостаток любви в мужестве, твердости духа ведет к фанатизму (у борцов и мучеников за веру на пятом небе).

И, наконец, в отношении Юпитера – недостаток любви к справедливости ведет к жестокости (у правителей шестого Неба), ибо «справедливость осуществляется не стремлением к справедливости, а любовью» (Л.Н. Толстой), а «длительная борьба за справедливость поглощает любовь, породившую ее» (А.Камю).

Все это позволяет понять, почему для Данте кардинальные, «языческие» добродетели предстают всего лишь «полудобродетелями – полупороками», обладание которыми не позволяет душе подняться после смерти выше Лимба (первого круга Ада), если она не прошла «посвящение» в триаду богословские добродетелей (веру, надежду, любовь).

Последняя планетная сфера Сатурна, – место явления душ, которые были погружены в земной жизни в созерцательную практику, всецело посвятив себя аскетическому созерцанию. В земной жизни ни достигли максимальной возможности созерцания Бога и максимальной гармонии любви. В этом отношении сфера Сатурна — высшая ступень нравственной градации, служащая подготовительным пунктом для полноты созерцания. От Сатурна начинается «небесная лестница Иакова», которая ведет в вышнюю обитель Рая – Эмпирей. Но и в этой сфере находится место «избранным грешникам», олицетворением которых является здесь монах-бенедиктинец (католический святой) Петр Дамиани. В 1057 году он был возведён в сан епископа и назначен кардиналом-епископом Остийским, но через два года вернулся в монастырь. И с тех пор именовал себя и подписывался «*Petrus peccator monachus*» – «Петр-грешник, монах».

Сатурн завершает этический миропорядок, насколько это касается чувственных представлений о моральных заслугах и конечной судьбе каждой отдельной души. Отсюда начинается восхождение к Эмпирею.

После того как Данте оглянулся на землю с «высоты» звездного неба, поразившись тому, насколько жалким выглядит «этот шар», перед ним открылось восьмое небо торжествующих душ, над которыми царило Солнце Христа.

Так, видел я, над тысячей огней
Одно царило Солнце, в них сияя,
Как наше - в горних светочах ночей.

В живом свеченье Сущность световая,
Сквозя, струила огнезарный дождь
Таких лучей, что я не снес, взирая («Рай», XXIII, 28-33).

Здесь в кругу «торжествующих духов» Данте проходит тройное посвящение – «крещение» тремя богословскими добродетелями: верой, надеждой и любовью. Именно здесь и происходит поворот души к совершенной добродетели как символу любви. В трактате «Пир» Данте называет это «совершенной красотой добродетели» (трактат третий, XV).

На девятом, кристальном небе Данте встречает уже иерархию «чистых душ» – ангелов, которым чужды человеческие пороки и добродетели; здесь он узнает о творении и причинах падения ангелов, о соответствии ангельской иерархии небесному и мировому порядку.

И, наконец, на десятом небе Эмпирея перед Данте предстает завершающий эстетический образ «райской обители» – Белой розы (*Rosa candida*), состоящей из лепестков «двойной небесной рати» – ангелов и блаженных душ, облаченных в «ризь» Божественного Света:

Их лица были из огня живого,
Их крылья - золотые, а наряд
Так бел, что снега не найти такого («Рай», XXXI, 13-15).

Видение Белой Розы приводит к полной трансформации восприятия Данте: к оцепенению разума и «опламенению» созерцания:

Так разум мой взирал, оцепенелый,
Восхищен, пристален и недвижим
И созерцанием опламенелый («Рай», XXXIII, 97-99)

И вслед за этим Данте достигает апогея пречеловеченья и полноты видения Троицы:

Я увидал, объят Высоким Светом
И в ясную глубинность погружен,
Три равноемких круга, разных цветом («Рай», XXXIII, 115-117).

Список литературы References

1. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения в 4 т. – М.: Мысль, 1984. Т. 4. Aristotel'. Bol'shaya etika // Aristotel'. Sochineniya v 4 t. – М.: Mysl', 1984. Т. 4.
2. Ауэрбах Э. Данте — поэт земного мира. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - (Серия «Книга света»).
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. Berdyayev N.A. O naznachenii cheloveka. – М.: Respublika, 1993.
4. Данте Алигьери. Божественная Комедия. Перевод М.Л. Лозинского. М.: Наука, 1967. (серия «Литературные памятники»). Комментарий И.Н. Голенищева-Кутузова. Dante Alighieri. The Divine Comedy. Translation By M. L. Lozinski. M.: Nauka, 1967 (series "Literary monuments"). Review I. N. Golenishchev-Kutuzov.
4. Данте Алигьери. Письма // Малые произведения (Opera Minora) – М.: Наука, 1968. (Литературные памятники). Dante Alig'yeri. Pis'ma // Malyye proizvedeniya (Opera Minora) – М.: Nauka, 1968. (Literaturnyye pamyatniki).
5. Де Либера Ален. Средневековое мышление. - М.: Праксис, 2004. De Libera Alen. Srednevekovoye myshleniye. - М.: Praksis, 2004.
7. Жильсон Э. Данте и философия. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. Zhil'son E. Dante i filosofiya. – М.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2010.